

АДАПТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ К НОВОМУ ЦЕЛЕВОМУ ПОКАЗАТЕЛЮ РАЗВИТИЯ НЕСЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА

П. Л. Глухих

П. Л. Глухих
Институт экономики Уральского отделения
Российской академии наук,
620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29

Поступила в редакцию 30.04.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-3
© Глухих П. Л., 2022

В изменившихся в 2020 году условиях хозяйствования Правительство РФ выбрало одним из четырех факторов устойчивого экономического роста поддержку несырьевого неэнергетического экспорта. Вызовом является не только достижение нового целевого показателя, но и проблема отсутствия достаточных условий для системной диверсификации российского экспорта. Актуальным становится развитие методологии нормативного институционального отражения целевых показателей несырьевого неэнергетического экспорта в правовых актах регионов. Поэтому цель исследования — совершенствование методологии разработки целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта для региональных стратегий как институционального фактора диверсификации экономики. Исследование носит поисковый характер, его методическая особенность — использование качественного и количественного контент-анализа с элементами автоматизированного частотного анализа текста нормативно-правовых документов. Научная значимость и новизна исследования заключается в разработанной классификации целевых показателей несырьевого неэнергетического экспорта, вносящей вклад в теорию экспортной стратегии региона. Проведенный анализ стратегий социально-экономического развития позволил подтвердить гипотезу, что не у всех регионов СЗФО приоритеты и целевые показатели развития несырьевого неэнергетического экспорта соответствовали федеральному законодательству. Практическую значимость представляют предложенные рекомендации по адаптации показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта.

Ключевые слова:

содействие экспорту, региональная программа экспорта, сырьевая зависимость, диверсификация, анализ текста, контент-анализ

Введение

Проблема сырьевой зависимости российского хозяйства актуальна в теории и практике уже не одно десятилетие. Актуальность этой проблемы изменилась после обновления национальных целей (лето 2020 года). Центральной идеей уточненной экономической политики России на ближайший период становится стратегия устойчивого роста ВВП с темпом выше среднемирового уровня. Вся архитектура актуализированной политики, по замыслу первого заместителя председателя Пра-

Для цитирования: Глухих П. Л. Адаптация региональных стратегий к новому целевому показателю развития несырьевого экспорта // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 34–55. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-3.

вительства РФ Андрея Белоусова, выстраивается таким образом, чтобы «задействовать те факторы, где имеются существенные резервы для ускорения»¹. Обоснованием такого подхода, по его словам, является проведенная «тщательная оценка вклада» следующих факторов в экономический рост:

- ускорение инвестиций;
- развитие малого и среднего предпринимательства;
- поддержка несырьевого неэнергетического экспорта;
- повышение производительности труда.

Не умаляя значение других факторов, в рамках данного исследования остановимся только на внешнеэкономическом факторе. По озвученным оценкам, «увеличение несырьевого неэнергетического экспорта» дает примерно 0,4 п.п. «дополнительного ежегодного прироста ВВП»². Таким образом, данный фактор на 1 п.п. меньше, чем два первых фактора (инвестиции, малый и средний бизнес), и на такую же величину результативнее роста производительности труда. Такой ожидаемый от политики результат превышает значение экспертной оценки исследователей Института народнохозяйственного прогнозирования РАН под руководством академика Б.Н. Порфирьева: «Реализация всего комплекса мероприятий в рамках национальных проектов позволит ускорить среднегодовые темпы роста ВВП в 2020—2024 гг. не более чем на 0,6 п.п.» [1, с. 4]. Они считают, что не следует преувеличивать благоприятное влияние национальных проектов на экономическое развитие, в том числе и потому, что за последнее десятилетие в среднем ежегодно темпы экономического роста составляли менее 0,9%.

Несмотря на такие разногласия, дополнительным подтверждением значимости экспорта выступают данные Банка России о росте экономической деятельности в первые два месяца 2021 года, которая обеспечивается «активным восстановлением в экспортных отраслях и отраслях промежуточного потребления»³. Особенность такого восстановления обусловлена более медленным возвращением значений экспорта во второй половине 2020 года к доковидному значению, в таких условиях импорт восстанавливался быстрее⁴. Это представляет отдельную проблему для развития экспорта в текущих условиях.

По целевому показателю, утвержденному в 2020 году в «июльском» Указе Президента России, планируется «реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70% по сравнению с показателем 2020 г.»⁵ к 2030 году. Интересно, что значение указано не в стоимостном выражении как в Указе 2018 года⁶, а в относительном. Поскольку значение этого целевого показателя, по оценке Российского

¹ Совместное заседание Госсовета и Совета по стратегическому развитию и нацпроектам, 2020, Kremlin.ru, URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64736> (дата обращения: 26.02.2021).

² Совместное заседание Госсовета и Совета по стратегическому развитию и нацпроектам, 2020, Kremlin.ru, URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64736> (дата обращения: 26.02.2021).

³ О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования, 2021, Банк России. Март 2021. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/32077/bulletin_21-02.pdf (дата обращения: 10.03.2021).

⁴ Меньше нефти, больше тканей, 2021, Коммерсантъ, № 22 от 09.02.2021. URL: <https://www.kommersant-ru.cdn.ampproject.org/c/s/www.kommersant.ru/amp/4682353> (дата обращения: 06.02.2021).

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

экспортного центра (РЭЦ), составило в 2020 году 161,3 млрд дол. США⁷, то величина целевого показателя к 2030 году в стоимостном выражении будет равняться 272 млрд дол. США без учета инфляции, а по новой методике расчета, исключающей золото из несырьевых неэнергетических товаров⁸, — 242,7 млрд дол. Новые значения существенно отличаются от утвержденных ранее (рис. 1).

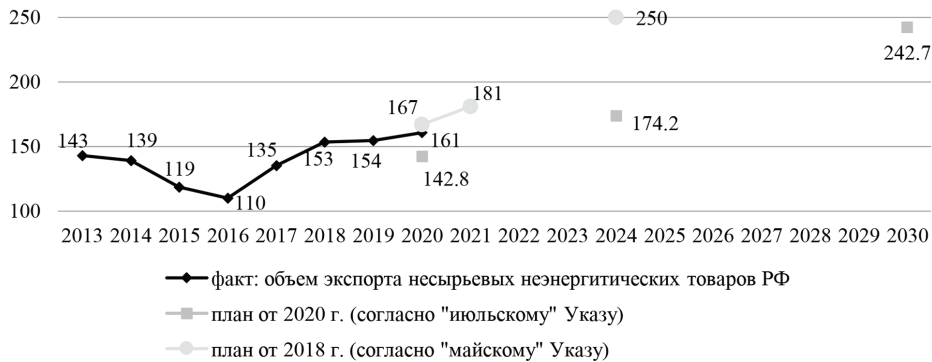

Рис. 1. Объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров РФ, млрд дол. США

Источник: рассчитано и составлено автором по данным РЭЦ (<http://regionstat.exportcenter.ru/regions/list/>); «Гарант» (<https://base.garant.ru/71937200/>; <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>).

Первоначально выбранный Правительством РФ темп прироста был более амбициозным. Согласно ранее принятому (с 2018 года) «майскому» Указу, к 2024 году требовалось обеспечить экспорт несырьевых неэнергетических товаров в объеме 250 млрд дол. США. По Указу 2020 года срок достижения подобного значения был увеличен на 6 лет (до 2030 года). Также его величина фактически снизилась с 250 до 242,7 млрд дол. США. Если бы это значение не было пересмотрено, то по итогам 2020 года планового значения в 167 млрд не удалось бы достичь (по факту — 161,3 млрд дол. США).

Несмотря на некоторый прогресс в приближении к целевым значениям и снижение амбициозности показателя развития экспорта, говорить об устойчивой тенденции роста несырьевого неэнергетического экспорта пока не приходится. Дополнительным искусственным барьером спроса на экспорт могут выступать государственные ограничения внешних поставок для сдерживания внутренних цен на наиболее значимые товары. Поэтому актуальными для науки и практики становятся проблемы достижения целевого показателя развития несырьевого неэнергетического экспорта и недостаточной системной диверсификации российского экспорта. Регионы России создают различный вклад в решение этих проблем.

Поскольку сопоставление в стоимостных значениях не учитывает территориальные различия и экономический потенциал, то для объективности оценки существенно различающихся регионов сравним долю федерального округа в несырьевом неэнергетическом экспорте с долей в совокупном экспорте РФ (рис. 2).

⁷ Объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров, 2021, ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59177> (дата обращения: 23.03.2021).

⁸ Несырьевой экспорт показал условный рост, 2021, Коммерсантъ, № 29 от 18.02.2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4694226?utm_source=vk&utm_medium=social_vlst_money&utm_campaign=nesyrievoy-neenergeticheskiy-eksport-rf-v (дата обращения: 19.02.2021).

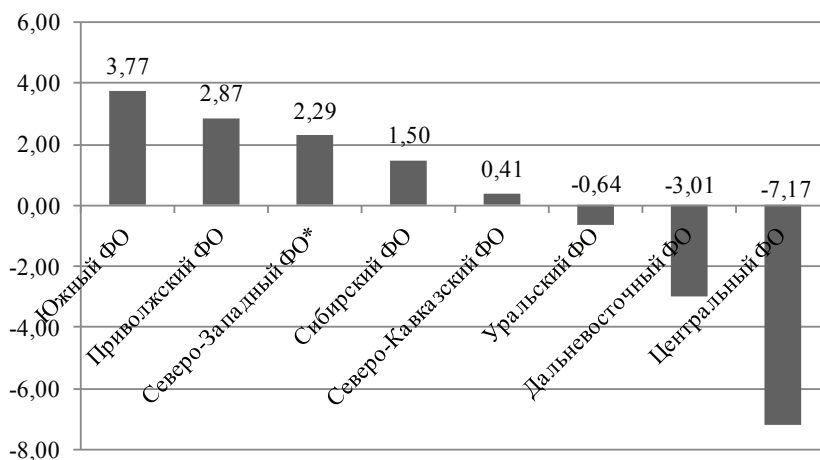

Рис. 2. Превышение вклада федерального округа в несырьевой неэнергетический экспорт РФ над долей совокупного экспорта федерального округа в РФ за 2020 год, %

Источник: рассчитано и составлено автором по данным РЭЦ (<http://regionstat.exportcenter.ru/structure/dynamics>).

Примечание: * без учета Ненецкого АО (нет данных).

Как видно из данных, сформировалась высокая дифференциация федеральных округов и регионов по доле несырьевого неэнергетического экспорта. Наибольший относительный вклад в экспортную диверсификацию с учетом общих экспортных возможностей в 2020 году вносили регионы ЮФО (их доля в общероссийском показателе несырьевого неэнергетического экспорта составляет 8,8 %, что значительно больше, чем их доля в общем экспорте — 5,1 %) и ПФО (12,1 % в неэнергетическом экспорте против 9,2 % в совокупном экспорте). Однако с учетом их меньшей абсолютной доли наибольший интерес представляют регионы СЗФО (2-е место после ЦФО с негативными структурными показателями: совокупная доля — 48,3 %, что больше, чем у неэнергетического — 41,3 %). При этом регионы СЗФО демонстрировали высокий относительный вклад — 2,3 % (14,8 % в неэнергетическом экспорте против 12,6 % в совокупном).

Кроме того, среди всех субъектов РФ специфическая роль в ВЭД принадлежит приграничным регионам страны (существенная доля таких регионов приходится на СЗФО, также особое значение имеет соседство со странами Европы, в том числе вследствие историко-культурной близости [2—4]). Отдельной прикладной проблемой остается невысокий вклад приграничных регионов в показатели экспорта. Еще в 2002 году эксперты указывали, что «на приграничные субъекты РФ приходится не более 15 % экспорта России» [5, с. 114]. Таким образом, приграничные регионы не используют свое географическое преимущество в виде экономии на транспортных издержках внутри страны, а стоимость текущего экспорта становится неконкурентоспособной.

Цель статьи — совершенствование методологии разработки целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта для региональных стратегий как институционального фактора диверсификации экономики.

Задачи статьи:

1) систематизировать теоретические подходы к значимости региональных стратегий как институционального фактора развития несырьевого экспорта;

2) разработать классификацию целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта в стратегиях социально-экономического развития регионов СЗФО на основе анализа текстов стратегий;

3) обосновать практические рекомендации для органов власти регионов СЗФО по совершенствованию формулировок утвержденных целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта в стратегиях социально-экономического развития.

Не исключая множество других факторов развития несырьевого неэнергетического экспорта регионов, в том числе механизмов поддержки, и временно абстрагируясь от них, первоначально необходимо провести отдельный анализ одного из институциональных факторов — наличие утвержденных целевых показателей. Для этого объектом исследования выбраны региональные несырьевые экспортные стратегии, отраженные в концептуальных нормативно-правовых документах российских регионов как институционального фактора управления внешнеэкономической деятельностью (ВЭД). Ожидаемая научная новизна заключается в попытке проведения поискового исследования, в том числе средствами современных автоматизированных методов анализа текста документов, результативными в схожих научных задачах, но ранее не применявшимися для экспортной тематики и выработки решения научно-практической проблемы недостаточной системной диверсификации экспорта российских регионов. Исследование в первую очередь направлено на то, чтобы попытаться дать максимальную подробную, с учетом возможностей метода контент-анализа, первоначальную более формальную оценку институционального фактора развития экспорта — наличия утвержденных в регионе целевых показателей.

Теоретические подходы к региональным стратегиям как институциональному фактору развития несырьевого экспорта

Теоретической основой статьи являются традиционные подходы в сфере ВЭД, в том числе в региональном аспекте (теории экспортной стратегии региона), положения институциональной экономики (институциональное значение правовых документов), системный подход, а также смежные научные положения зарубежных и отечественных ученых, рассматривающих различные региональные аспекты экспорта. Анализ современных зарубежных и отечественных исследований позволяет обобщить и выделить проблемы изученности региональной стратегии развития несырьевого экспорта как системы и влияния на нее региональной нормативной базы как ее институционального фактора.

Сложившейся в данной научной области теоретические подходы можно сгруппировать в два направления исследований:

1. Несырьевая региональная экспортная стратегия. Обзор научного направления показал, что среди источников стратегии внешнеэкономической деятельности выделяются две неравные составляющие. Наименее представленным является подход, при котором рассматриваются стратегии внешнеэкономической деятельности субъектов бизнеса — экспортеров [6—8, с. 37; 9, с. 50; 10 и др.]. В противовес этому подходу доминирующим источником выступают органы государственной власти, в том числе региональные. Общеизвестная необходимость экспортной диверсификации производства продолжается рассматриваться с различных аспектов [11—18, с. 6 и др.]. Так, отмечается нестабильность успехов российских экспортеров, в том числе по динамике несырьевой неэнергетической продукции из-за конъюнктуры мировых рынков [19, с. 17]. Поэтому требуется дополнительный поиск факторов, обеспечивающих устойчивость роста несырьевого неэнергетического экспорта.

Вопросам оценки вклада регионов в экспортную диверсификацию посвящен ряд исследований. Например, в работе К. А. Гулина, Н. О. Якушева, Е. А. Мазилова осуществляется попытка оценить долю несырьевого экспорта регионов в общем объеме экспорта РФ. С опорой на авторскую методику делается вывод о высокой дифференциации регионов по несырьевому экспорту — 63 субъекта РФ (72,5 % от общего числа) по итогам 2016 года обеспечивали только 19,1 % несырьевого экспорта страны [20, с. 64]. Поэтому так важно выявлять регионы, обладающие существенным нереализованным несырьевым экспортным потенциалом.

Исследователями, например С. Ю. Титовой, фиксируется, что «основной целью программ поддержки экспорта является его диверсификация в сторону повышения доли несырьевых неэнергетических товаров» [21, с. 152]. В продолжение этого подхода предпринимались отдельные попытки анализа наличия стратегических элементов в нормативных документах. Так, Е. Н. Ковалева и А. А. Оганова на примере четырех регионов (Брянской, Псковской, Смоленской областей и Алтайского края) оценивали показатели экспортной среды, в том числе «Наличие конкретных целевых показателей развития экспортной деятельности в региональных государственных программах развития» [22, с. 42]. Однако данная оценка имела формальный характер (наличие/отсутствие).

2. Роль региональной нормативной базы как институционального фактора развития экспорта. Существует распространенная позиция, что внешнеторговый комплекс страны включает законодательную составляющую [23, с. 10; 18, с. 72 и др.]. Иногда ее называют «правовой структурой регулирования» [8, с. 94—95]. Таким образом, нормативно-правовые акты в сфере ВЭД выступают институциональным фактором развития экспорта [24].

В серии исследований под руководством Ж. А. Мингалевой обосновывается значение нормативной базы для развития региональной ВЭД. По состоянию на начало 2010-х годов на основе анализа управления ВЭД в регионах исследователями фиксировалась следующая проблема: «не разработана (или плохо скоординирована) региональная нормативная база на основе федеральных законов» [25, с. 83]. Также в статьях подчеркивалось, что для «эффективного взаимодействия на мировой арене» регионам необходимо «разрабатывать конкретную стратегию рыночного поведения» [26, с. 61]. Поэтому далее в эмпирической части исследования будут оцениваться экспортные стратегии регионов в области несырьевого неэнергетического экспорта.

Также Ж. А. Мингалевой проводился содержательный анализ программ социально-экономического развития. По состоянию на начало 2010-х годов он показал, что «субъекты Федерации не обращают должного внимания на формирование и становление внешнеэкономической деятельности в регионе» [26, с. 62]. Продолжительный интерес исследователей к установлению роли региональных нормативных программ и стратегий развития экспорта свидетельствует об их значимости. В то же время данные исследования отдельно не оценивали несырьевой неэнергетический экспорт.

Еще больший интерес для данного исследования представляет «типология регионов по проводимой внешнеэкономической политике» Л. Б. Вардомского и Е. Е. Скатерщиковой, учитывающая больше специализированных факторов, в том числе и «уровень развития регионального законодательства во внешнеэкономической сфере» [5, с. 107—109]. В результате типология включает четыре группы регионов:

— субъекты РФ с высоким уровнем законодательства во внешнеэкономической сфере, который определялся авторами в случае, если нормативная база превосхо-

дила федеральный уровень, а также если регион демонстрировал более развитые значения показателей ВЭД (по данным исследователей, по состоянию на 2002 год первая группа включала Республику Татарстан, Москву, Санкт-Петербург и др.);

— субъекты Федерации с недостаточно успешными позициями ВЭД, но с относительно высоким уровнем профильного законодательства, включающим «программы развития экспорта и импорта», концепции стимулирования создания и развития производств: экспортоориентированных и импортозамещающих (Калининградская, Ленинградская, Архангельская, Мурманская, Псковская области, Республики Карелия и Коми и др.);

— субъекты Федерации с невысоким уровнем развития профильной правовой базы (дублируются национальные нормативы), но вполне успешные в социально-экономическом развитии, а также обладающие высокими оборотами экспорта и другими развитыми аспектами ВЭД (Тюменская область, Ненецкий автономный округ, Вологодская, Иркутская, Свердловская области);

— регионы с низким уровнем законодательства во внешнеэкономической сфере, а также пониженным уровнем экспортного потенциала и средним уровнем социально-экономического развития.

С одной стороны, данная методика представляется достаточно комплексной для заявленной задачи — создания «типологии проводимой внешнеэкономической политики», с другой — она отдельно не концентрируется на оценке развитости регионального законодательства (итоговая оценка региона складывается из нескольких признаков). Измерение развитости нормативной базы предполагает простую качественную оценку (наличие/отсутствие документа). Объяснимо, что методика, разработанная на рубеже XX века, не оценивала несырьевые приоритеты законодательства, которые тогда еще не были так актуальны ни в научной, ни управленческой повестке.

Таким образом, обзор большого количества научных источников показал, что, с одной стороны, существуют отдельные исследования различных сторон несырьевой региональной экспортной стратегии, подтверждающие ее значимость, с другой — использовалось только несколько подходов к количественной и качественной оценке региональной нормативной базы, но не было попыток оценить эти аспекты совместно. Прикладная и научная значимость исследования может заключаться в выявлении многообразия и установлении наиболее удачных практик формулирования целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта в региональных социально-экономических стратегиях. Для оценки их развитости предлагается применить методы анализа текста правовых документов, хорошо себя зарекомендовавшие в смежных научных задачах.

Методы и материалы анализа текстов для оценки целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта в законодательной базе

Задача оценки законодательной базы является междисциплинарной, поскольку для ее измерения требуется, во-первых, применение методов естественных и социальных наук по автоматизированному (интеллектуальному) анализу текстов, включая элементы контент-анализа, во-вторых, учет юридических подходов по адаптации таких методов к особому нормативно-правовому содержанию документов, в-третьих, отражение специфики ВЭД.

Методология контент-анализа как научного метода разрабатывалась в трудах Дж. Б. Мангейма и Р. К. Рича [27], Л. Я. Аверьянова [28], Е. Я. Таршиса [29] и др. Один из основоположников контент-анализа, Х. Лассуэлл, и его последователи

обосновывали, что «основной единицей анализа может быть символ или понятие» [30]. В отечественной традиции контент-анализа сложился иной подход, когда основной единицей выступает «социальная идея, определенная социально значимая тема» [31]. В исследовании будем придерживаться сформулированного Н. Костенко и В. Ивановым определения контент-анализа: «качественно-количественный метод изучения документов, который характеризуется объективностью выводов и строгостью процедуры и состоит в квантификационной обработке текста с дальнейшей интерпретацией результатов» [32].

Юридическая наука накопила богатый опыт анализа текстов. Первоначально применялся метод качественного анализа текстов. Причиной, по мнению А. Ф. Черданцева, является особый лингвистический подход, когда «формой правовой информации выступает язык как определенная знаковая система» [33, с. 5]. Качественный подход к анализу способствует углубленному пониманию текста, но часто сопровождается повышенными трудозатратами исследователя.

Продолжительная традиция учета языковой составляющей позволила исследователям-юристам быстрее интегрировать новые автоматизированные системы интеллектуального анализа нормативных текстов. А. Ф. Черданцев называет это явление информационным подходом к праву. Данный подход способствовал развитию методов количественного анализа текстов. Изначально эти методы в подавляющем большинстве были не механизированными. Лишь впоследствии с развитием и адаптацией современных информационных технологий началась постепенная автоматизация этого процесса. Анализ современных зарубежных исследований показывает, что все активнее начинают использоваться более сложные автоматизированные решения для обработки естественного языка в юридических текстах [34]. Механизация такой деятельности особенно важна, поскольку, как отмечает Д. А. Савельев, «в настоящее время существенно возрастает и объем публикуемых в электронной форме правовых актов, и возможности современных информационных технологий, в частности компьютерной лингвистики, при обработке текстов» [35, с. 41].

В исследованиях по тематике ВЭД, так же как в социальных науках в целом, начинают использоваться методы анализа текста. Первоначально в большей степени развивался качественный контент-анализ [36; 5, с. 94]. Самостоятельным, более сложившимся направлением является неавтоматизированный контент-анализ нормативных документов, регламентирующих международное взаимодействие, в частности межстрановое сравнение. Д. А. Дегтерев, А. Х. Дегтерев, М. А. Никулин, А. Л. Оганесян провели частотный контент-анализ встречаемости в стратегиях национальной безопасности государств СНГ ключевых внешнеполитических партнеров, позволивший выявить «внешнеполитический курс страны и ее стратегические приоритеты» [37, с. 180—181]. Однако анализировался только факт упоминания ключевого слова и не оценивалась смысловая нагрузка его использования.

С учетом отмеченного и в соответствии с целями статьи в качестве основного метода исследования планируется использовать качественный и количественный контент-анализ с элементами автоматизированного частотного анализа текста. Выбор частотного анализа обуславливается следующими аргументами:

1. В большинстве случаев с анализом правовых документов лучше справляется частотный анализ, поскольку за единицу анализа можно взять ключевые слова документа, которые в таком формальном тексте более устойчивы. В этом случае можно более объективно измерять частоту повторяемости словосочетаний в тексте.
2. Дополнительным преимуществом частотного анализа является возможность анализа различных по объему документов, поскольку частота встречаемости ключевых слов оценивается как относительная величина.
3. Количество оцениваемых ключевых слов может быть любым (от одного до множества).

Точность метода должна достигаться благодаря разработке формализованной программы исследования, базирующейся на методологически обоснованных процедурах контент-анализа [31; 29]:

1. Определение цели и гипотезы исследования. Из выявленных практических проблем и их научного осмысления выбрана следующая эмпирическая цель исследования (цель программы): на основе анализа текста стратегий развития регионов СЗФО разработать классификацию целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта, оценить их соответствие федеральному законодательству и предложить рекомендации по улучшению.

С учетом возможностей верификации текста нормативно-правовых документов при анализе выбраны следующие рабочие гипотезы исследования:

Гипотеза I. Наиболее развитые регионы СЗФО имеют практику утверждения несырьевых неэнергетических приоритетов в стратегиях социально-экономического развития, опережающую по времени федеральное законодательство.

Гипотеза II. Не у всех регионов СЗФО целевые показатели развития несырьевого неэнергетического экспорта, утвержденные в стратегиях социально-экономического развития, соответствуют федеральному законодательству.

2. Построение выборки документов. Для проверки гипотез эмпирическая база создавалась из массива региональных документов. На основании отдельного анализа были оценены распространенность и наличие в различных типах документов тематики несырьевого экспорта: 1) узкопрофильные документы: а) стратегии в сфере ВЭД; б) программы в сфере ВЭД; 2) многопрофильные документы: а) стратегии социально-экономического развития; б) госпрограммы социально-экономического (экономического) развития; в) иные госпрограммы. Было установлено, что из всех региональных концептуальных документов, в которых содержится информация о развитии экспорта, только такой тип, как стратегия социально-экономического развития, есть во всех регионах СЗФО. Таким образом, эмпирический массив представляет собой коллекцию полных текстов стратегий социально-экономического развития регионов СЗФО, действовавших в начале 2021 года и с 2017 по 2021 год. При наличии редакций документов в корпус включались тексты консолидированных редакций (с действующими в каждом году изменениями и дополнениями).

3. Разработка категориальной модели предмета анализа. Для верификации в тексте обозначенных в гипотезах параметров требуется сформировать перечень категорий анализа — ключевых слов, отражающих несырьевой неэнергетический экспорт.

4. Определение меры (единицы) измерения. Для проверки предложенных гипотез нужно установить принадлежность стратегий к тематике несырьевого экспорта. В качестве единицы счета было выбрано отношение количества ключевых слов ко всем словам документа, выраженное в процентах. Такое отношение еще называется релевантностью и показывает, насколько ключевое слово отражает содержание всего документа. Использование такого показателя позволяет преодолеть проблему сопоставления различных по объему слов документов.

Результаты и обсуждение анализа показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта в стратегиях регионов СЗФО

Эмпирическая часть исследования была проведена согласно разработанной ранее последовательности этапов, представленных в программе исследования. В рамках каждой из гипотез были получены следующие результаты.

Проверка гипотезы I. Для проверки этой гипотезы предпринималась попытка определения не только текущих несырьевых неэнергетических приоритетов, но и

эволюции их появления в разных регионах. Для этого анализировались тексты стратегий, действовавших за период 2017—2020 годов, предшествующий утверждению несырьевых неэнергетических приоритетов на федеральном уровне («майский» Указ 2018 года). В частности, проверялась рабочая гипотеза о наличии регионов с опережающим утверждением несырьевых неэнергетических приоритетов. Для ее проверки использовался сервис автоматического анализа текста «Istio»⁹, иногда применяемый исследователями для частотного анализа ключевых слов текста [38, с. 22]. Сервис позволяет оценить документ по показателям процента ключевых слов в тексте, то есть измеряется плотность (частота) встречаемости ключевых слов, их процентное соотношение с всем объемом текста. В качестве ключевого использовалось слово «неэнергетический», расположенное рядом со словами «несырьевой» и/или «экспорт». При анализе учитывались все формы слова (падежи, числа) (рис. 3).

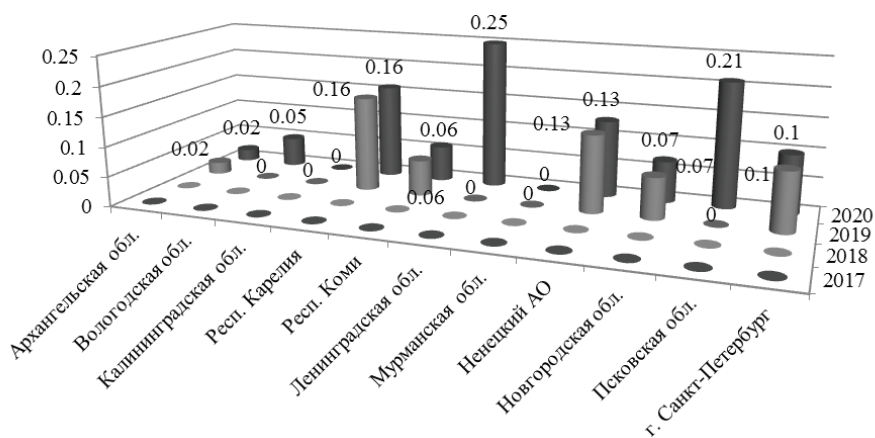

Рис. 3. Релевантность ключевого слова «неэнергетический» в стратегиях социально-экономического развития регионов СЗФО за 2017—2020 годы, %

Источник: составлено автором с помощью сервиса istio.com

Первоначальный количественный анализ текстов документов позволил выявить, что не у всех регионов СЗФО стратегия социально-экономического развития содержала ключевые слова, обозначающие приоритеты развития несырьевого неэнергетического экспорта (9 из 11 регионов), по состоянию на апрель 2021 года. Полностью отсутствовало словосочетание «несырьевой неэнергетический экспорт» в различных его словесных формах и его прямые аналоги в стратегиях Калининградской и Мурманской областей. Несмотря на отсутствие ключевых слов, в стратегиях говорилось о важности экспортной ориентации.

Выдвинутая рабочая гипотеза I не подтвердилась — в СЗФО нет регионов со стратегией, содержащей опережающие по времени федеральный уровень приоритеты развития несырьевого неэнергетического экспорта (ранее 2018 года). Оценка динамики появления исследуемых приоритетов показывает ожидаемую временную зависимость: у большинства регионов СЗФО (6 из 11) они введены в 2019 году (на следующий год после федерального утверждения). У трех регионов стратегии были приняты с запозданием еще на год — в 2020 году (Вологодская, Ленинградская и Псковская области).

⁹ Сервис автоматического анализа текста «Istio». URL: <http://istio.com> (дата обращения: 19.02.2021).

Проверка гипотезы II. Для этого из действующих текстов стратегий социально-экономического развития регионов СЗФО был составлен текстовый корпус (181 слово), содержащий положения о несырьевом неэнергетическом экспорте. Для корректного частотного анализа требовалась лемматизация исходного корпуса, то есть приведение каждого слова к простой форме. Для данной процедуры российские исследователи в последнее время чаще всего используют бесплатный сервис от Яндекс «MyStem» [39, с. 20; 40, с. 17 и др.]. Несмотря на достаточно качественную лемматизацию, далее проводилась проверка преобразованного текста. Из корпуса удалялись союзы, предлоги, местоимения, знаки препинания и другие символы. С помощью сервиса «Word It Out»¹⁰ было построено облако слов, отражающее встречаемость смысловых словосочетаний и отдельных слов, используемых совместно с ними (рис. 4).

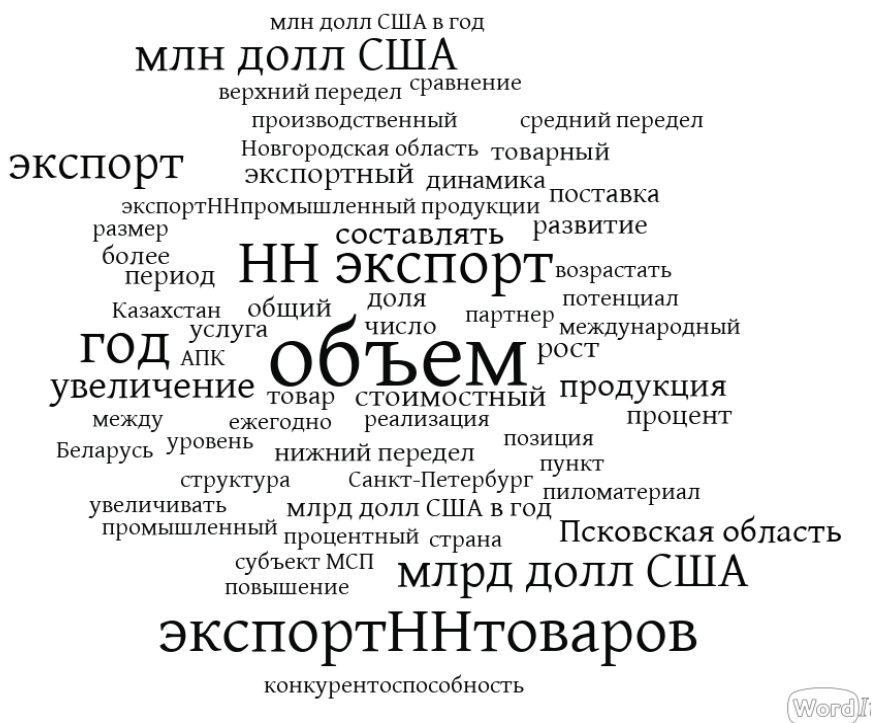

Рис. 4. Облако слов положений о несырьевом неэнергетическом экспорте, содержащихся в стратегиях социально-экономического развития регионов СЗФО (по состоянию на апрель 2021 года)*

Примечание: НН — несырьевой неэнергетический / несырьевых неэнергетических.

* Кроме стратегий Калининградской и Мурманской областей, так как в них отсутствовали данные положения.

Источник: составлено автором по состоянию на апрель 2021 года с помощью сервиса «Word It Out».

Для лучшей наглядности на рисунке 4 показаны словосочетания и слова с частотой встречаемости в корпусе более двух раз. Рассмотрим список наиболее встре-

¹⁰ Word It Out, 2021. URL: <https://worditout.com/word-cloud/create> (дата обращения: 19.02.2021).

чаемых словосочетаний в объединенном тексте действующих стратегий регионов СЗФО. Детальный анализ выявил следующую частоту ключевых словосочетаний (от наиболее частых к более редким):

- экспорт несырьевых неэнергетических товаров — 17;
- несырьевой неэнергетический экспорт — 16;
- млрд дол. США — 12;
- млн дол. США — 11;
- млрд дол. США в год — 4;
- нижний передел — 3.

Поскольку самым распространенным значимым отдельным словом является слово «объем» и близкие к нему по смыслу часто встречающиеся слова и словосочетания, то наиболее частотные словесные конструкции представляют собой показатели. Для выявления других смысловых значений (утверждения приоритета или формализованного целевого показателя и т. д.) была разработана авторская классификация (табл.).

Частота ключевых слов в стратегиях существенно различается по регионам (встречаемость от 1 до 9 раз). В стратегиях регионов СЗФО было найдено 44 словесных конструкции, закрепляющие приоритеты и/или целевые показатели несырьевого неэнергетического экспорта. Они сильно различаются у разных регионов и в рамках одной стратегии. Такое разнообразие требует отдельного осмысления и выявления содержащихся ограничений и возможностей для совершенствования. Поэтому автором впервые была предпринята попытка классификации региональных целевых показателей несырьевого неэнергетического экспорта. Первый, наиболее значимый признак градации — степень формализации приоритета: высокая степень предполагает, что приоритет сформулирован в виде конкретного показателя, низкая степень говорит о неформализованной формулировке приоритета. Для упрощения восприятия в таблице указывался только наиболее значимый класс приоритета из всех содержащихся в стратегии. Второй признак градации — это соответствие показателя федеральному законодательству (указы Президента РФ). Поскольку существуют два действующих показателя (от 2020 и от 2018 года), то оценивалось наличие обоих. Ни у одной из стратегий регионов СЗФО по состоянию на апрель 2021 года не было показателя, полностью идентичного федеральному (от 2020 года) — «реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее ...% по сравнению с показателем 2020 года». Наиболее близким к такому относительному типу являлся показатель в стратегии Санкт-Петербурга. Но формально данный показатель не соответствовал федеральной методике расчета и в качестве базового не использовал значение 2020 года.

Пять из девяти региональных стратегий утвердили в качестве целевого показатель, принятый на федеральном уровне в 2018 году (объем, в стоимостном выражении). Но практически все региональные формулировки показателя отличались от федеральной формулировки степенью детализации значений своего показателя. Достоинством некоторых стратегий являлось наличие нескольких сценариев реализации (Республики Карелия и Коми). У стратегии Республики Карелия присутствовала максимальная ежегодная детализация значений до 2030 года, а у стратегии Республики Коми — частичная (только у первых этапов указаны ежегодные величины до 2025 года, а у последующих — одно значение для этапа до 2035 года). Стратегии без выделения сценариев также различаются: с ежегодными значениями показателей (Новгородская область) и поэтапными (Архангельская область, Ненецкий автономный округ).

**Классификация целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта
в стратегиях социально-экономического развития регионов СЗФО**

Класс целевого показателя	Формулировка показателя в стратегии					Регион СЗФО
1. Приоритет формализован в показатель						
1.1. Показатель соответствовал федеральному в формулировке от 2020 года						
1.1.1. Идентичный показатель	—					—
1.1.2. Однотипный показатель	Наименование показателя (индикатора), единица измерения		Значение показателя (индикатора) по годам			Санкт-Петербург
			2021	2024	2030	2035
	Темп роста объемов несырьевого неэнергетического экспорта товаров (ежегодно в среднем за период), всего, %		107,03	108,01	108,12	105,98

1.2. Показатель соответствовал основному федеральному в формулировке от 2018 года

1.2.1. Содержит разные сценарии реализации:	Сценарий	Факт	Прогноз		1-й этап		2-й этап		3-й этап			Республика Карелия			
А. Ежегодные значения показателя	Приоритетные направления и показатели	2017	2018*	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
	Объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров, млн дол. США	473,1	500	520	550	580	620	660	700	729,9	761,2	793,7	827,7	863,1	900
	Целевой	473,1	500	540	580	620	660	700	790	821,7	854,6	888,8	924,4	961,5	1000
	Форсированный	473,1	500	566	620	673	730	793	870	904,7	940,8	978,3	1017,3	1057,8	1100

Б. Частично ежегодные значения показателя	Целевой индикатор	Сценарий	Факт / оценка	I этап — до 2021		II этап — до 2025				III этап — до 2030	IV этап — до 2035	Республика Коми			
			Факт	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024		2025	2030	2035
	Объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров, млрд дол. США	Оптимистиче-ский	0,58	0,59	0,64	0,64	0,64	0,92	0,94	0,78	0,78	0,78	0,92	0,94	
	Целевой	Целевой	0,58	0,59	0,63	0,63	0,91	0,93	0,93	0,77	0,77	0,77	0,91	0,93	
	Инерционный	Инерционный	0,58	0,59	0,61	0,61	0,86	0,87	0,87	0,75	0,75	0,75	0,86	0,87	

1.2.2. Значения показателя без выделения сценариев реализации:	Наименование показателя	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	Новгородская область
А. Ежегодные значения показателя	Объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров (в том числе экспорта услуг) (млн дол. США)	759,0	1024,5	1129,5	1210,5	1278,0	1392,0	1550,3	1658,5	1794,0	1938,0	

Б. Поэтапные значения показателя	Стоимостной объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров, млн дол. США	2024		2030	2035	Архангельская область		
	Наименование показателя	Текущее значение показателя		1 509,00	1 704,00	2 319,00		
	Стоимостной объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров, млн дол. США	Россия, 2017 СЗФО, 2017 НАО**, 2017		I этап, 2021	II этап, 2024	III этап, 2030		
		135,1	20,2	0	Не менее 0,5	Не менее 0,5	Не менее 1,0	Ненецкий АО

1.3. Показатель близкий к основному федеральному в формулировке от 2018 года

1.3.1. Значения показателя без выделения сценариев реализации:	Показатели	2016 – 2018	2019 – 2024	2025 – 2030	Ленинградская область
	Доля несырьевого неэнергетического экспорта в общем объеме экспорта (на конец периода), %	40	50	60	

1.4. Другие показатели

1.4.1. Смежные показатели	Рост экспорта несырьевых, неэнергетических товаров в 2030 году составит не менее 70% по сравнению с 2020 годом	Вологодская область
---------------------------	--	---------------------

2. Неформализованный приоритет (не в формате показателя)

2.1. Неколичественный приоритет	В среднесрочной перспективе — до 2030 года — приоритетным внешнеэкономическим партнером останутся страны Балтии, но возрастет важность других стран, таких как Беларусь и Казахстан (за счет несырьевого неэнергетического экспорта)	Псковская область
---------------------------------	--	-------------------

Примечание: * оценка, ** НАО — Ненецкий автономный округ.

Источник: составлено автором по данным справочно-правовых систем.

У остальных трех регионов показатели не соответствовали федеральному уровню. По смыслу близким к федеральному показателю 2018 года, но не равнозначным являлся относительный показатель Ленинградской области — «доля несырьевого неэнергетического экспорта в общем объеме экспорта». Но данный показатель более зависим от объема совокупного экспорта региона, и при отсутствии приоритета по его развитию может быть занижен ради формального выполнения более значимого показателя.

Настораживает формулировка целевого показателя в стратегии Вологодской области («Рост экспорта несырьевых, неэнергетических товаров в 2030 году составит не менее 70 % по сравнению с 2020 годом»). По используемым ключевым словам и их последовательности она максимально похожа на более актуальный федеральный показатель 2020 года. Но благодаря присутствовавшей запятой между ключевыми словами «несырьевых» и «неэнергетических» в стратегии, видимо, получилось утвердить два нетипичных показателя «экспорт несырьевых товаров» и «экспорт неэнергетических товаров». Но согласно общераспространенным методологическим подходам к расчету этих показателей маловероятно, что их значения могут быть близкими в одном регионе в заданный период времени. Поэтому наличие запятой приводит к неоднозначности понимания целевого показателя.

По состоянию на апрель 2021 года был противоречив показателем несырьевого экспорта в стратегии Псковской области. С одной стороны, в ее тексте отмечалась наибольшая встречаемость ключевых слов (9 раз), с другой — во всех случаях, кроме одного, они использовались не для обозначения приоритетов, а для описания текущего состояния в регионе. Единственное указание, приближенное к формулировке приоритета, приводилось не только не в формате показателя, но и в очень косвенном контексте («за счет несырьевого неэнергетического экспорта»). То есть стратегия имела не самый удачный вариант обозначения приоритета. Применительно к подобной ситуации эксперты указывают, что профильной региональной «проблемой реализации программы поддержки экспорта является нечеткая проработанность целей, а также показателей» [21, с. 153]. Поэтому достижение такого слабоформализованного приоритета не представляется очевидным и необходимым. Следовательно, отсутствие четко формализованных приоритетов и показателей снижает вероятность развития несырьевого неэнергетического экспорта региона.

Таким образом, разработка авторской классификации позволила выявить, что ни одна из стратегий социально-экономического развития регионов СЗФО не включала целевой показатель, аналогичный более актуальному (от 2020 года) федеральному. Большая часть регионов (6 из 11) в разной степени соответствовала только целевому показателю 2018 года. В двух регионах целевой показатель существенно отличался от федерального. Наибольший риск возможен в трех субъектах СЗФО, где целевой показатель полностью отсутствовал, причем в двух из них даже не указывался на необходимость развития несырьевого неэнергетического экспорта, хотя могут присутствовать еще менее конкретные приоритеты несырьевого экспорта. Поэтому гипотеза II подтвердилась: не у всех регионов СЗФО целевые показатели развития несырьевого неэнергетического экспорта, утвержденные в стратегиях социально-экономического развития, соответствовали федеральному законодательству, что способно снижать реализацию их экспортного потенциала.

Полученные научные результаты исследования позволяют выработать практические рекомендации для органов власти регионов СЗФО. В рамках обновленного национального проекта федеральное финансирование на проведение соответствующих региональных мероприятий будет зависеть от успехов территории в достиже-

нии требуемых значений несырьевого неэнергетического экспорта. Исследование позволило обосновать важность совершенствования стратегий и необходимость реализации следующих предложений для органов власти регионов СЗФО:

1. Рекомендации для Калининградской, Мурманской и Псковской областей. Отсутствие в действующих (по состоянию на апрель 2021 года) региональных стратегиях положений о несырьевом неэнергетическом экспорте ослабляет институциональное условие повышенного вклада регионов в соответствующий федеральный целевой показатель. Статистические данные демонстрируют хорошие успехи этих регионов в росте несырьевого неэнергетического экспорта. Калининградская область за 2020 год показала наилучшую среди регионов СЗФО динамику роста объемов несырьевого неэнергетического экспорта — 116,1 % (хотя годом ранее был существенный спад — 75,6 %) ¹¹. Мурманская область в 2020 году заняла второе место — рост составил 115,9 % (и такие значения являются для нее устойчивыми — 114,6 % за 2018 — 2020 годы). Псковская область за 2020 год показала незначительное снижение — 98,1 % (но с учетом предшествующих четырех лет демонстрировала высокий темп роста — 110,8 %). При таких положительных значениях официальное закрепление уже реализуемых приоритетов и целевых показателей в стратегиях не создаст повышенной нагрузки на региональную власть, а позволит объективно показать достигнутые положительные результаты и придать дополнительный импульс их развитию. Поэтому регионам рекомендуется внести дополнение в стратегии и принять значение целевого показателя, утвержденное на федеральном уровне (такой подход соответствует сложившейся законодательной практике регионов): «реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70 % по сравнению с показателем 2020 года» к 2030 году. Такая разновидность показателя учитывает региональную специфику за счет большей его универсальности, поскольку он основан на относительной величине, которая лучше отражает особенность региона, учитывает его положение в базовом 2020 году.

2. Рекомендации для Ленинградской и Вологодской областей: заменить в стратегиях существовавший по состоянию на апрель 2021 года показатель на соответствующий федеральному законодательству. Предлагается утвердить более актуальный вариант целевого показателя (из Указа 2020 года): «реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70 % по сравнению с показателем 2020 года» к 2030 году. Это особенно важно, учитывая, очень вероятно, что в тексте стратегии Вологодской области допущена опечатка в формулировке целевого показателя, которая сильно исказила смысл. Поскольку доля несырьевого неэнергетического экспорта в совокупном экспорте Ленинградской области в 2020 году составляла 49,5 %, а Вологодской области была еще выше — 87,3 % и они превышают общероссийский уровень диверсификации (47,7 %), то реализация такого показателя в регионах будет более достижимой.

При применении полученных результатов стоит учитывать, что региональное законодательство — это не единственный фактор, определяющий развитие несырьевого неэнергетического экспорта, но концептуальные документы как важнейший институциональный фактор являются продуктивной входной точкой для анализа. С учетом конкретности цели статьи оценка утвержденных в регионах значений целевых показателей будет производиться в следующем исследовании. В дальнейшем планируется оценить значение несырьевых неэнергетических приоритетов и целевых показателей в других типах региональных документов.

¹¹ Динамика структуры экспорта, 2021, *Цифровая платформа «Мой экспорт»*. URL: <http://regionstat.exportcenter.ru/structure/dynamics> (дата обращения: 27.04.2021).

Заключение

Анализ приоритетов национальной экономической политики и научные исследования показывают значимость развития несырьевого неэнергетического экспорта. В существующих исследованиях сформировались только отдельные теоретико-методологические положения значимости региональных стратегий как институционального фактора развития несырьевого неэнергетического экспорта.

Качественному и количественному контент-анализу подверглись более 35 версий стратегий социально-экономического развития регионов СЗФО за период с 2017 по начало 2021 года. Научная значимость исследования состоит в разработанной авторской классификации целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта, вносящей вклад в развитие теории экспортной стратегии региона, за счет выявления многообразия и установления наиболее удачных практик формулирования приоритетов и целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта в региональной нормативной базе.

Новизна исследования заключается в следующих положениях: 1) установлена эволюция отражения несырьевого неэнергетического приоритета в стратегиях социально-экономического развития регионов СЗФО; 2) выявлены ключевые словосочетания и словесные конструкции, формирующие положения о несырьевом неэнергетическом экспорте регионов СЗФО; 3) обоснована необходимость адаптации региональных стратегий к изменившейся после вступления в силу Указа Президента РФ 2020 года о национальных целях развития федеральной системе ключевых показателей эффективности развития несырьевого неэнергетического экспорта.

Практическую значимость представляют предложенные органам власти регионов СЗФО рекомендации по адаптации стратегий социально-экономического развития к обновленным целевым показателям развития несырьевого экспорта. Обновление региональных стратегий будет способствовать достижению целевого показателя развития несырьевого неэнергетического экспорта на национальном уровне, а также внесет вклад в системную диверсификацию российского экспорта.

Определены направления для дальнейшего этапа исследования, который будет сосредоточен на экономико-статистической оценке значения утвержденных целевых показателей для развития несырьевого неэнергетического экспорта, в том числе и в других типах документов, а также обосновании эффективных механизмов поддержки несырьевого неэнергетического экспорта в регионах.

Список литературы

1. Порфирьев, Б. Н., Широв, А. А., Узиков, М. Н. и др. 2020, Основные направления социально-экономического развития в 2020—2024 гг. и на период до 2035 г., *Проблемы прогнозирования*, Т. 180, № 3, с. 3—15.
2. Boman, J., Berg, E. 2007, Identity and institutions shaping cross-border co-operation at the margins of the European Union, *Regional and Federal Studies*, vol. 17, no. 2, p. 195—215.
3. Castells, M. 2004, *The Power of Identity: The Information Age. Economy, Society and Culture*, vol. 2.
4. Hunt, S. A. et al. 1994, Identity Fields. New Social Movements. In: Larana, E. et al. (ed.) *Philadelphia*, Temple University Press, p. 185—208.
5. Вардомский, Л. Б., Скатерщикова, Е. Е. 2002, *Внеэкономическая деятельность регионов России*, учебное пособие для вузов. Глушкова, В. Г. (ред.), М., 320 с.
6. Lado, N., Martinez-Ros, E., Valenzuela, A. 2004, Identifying successful marketing strategies by export regional destination, *International marketing review*, vol. 21, no. 6, p. 573—597. doi: <https://doi.org/10.1108/02651330410568024>.

7. Gashi, P. 2014, Export behavior of SMEs in transition countries, *Small Business Economics*, vol. 42.
8. Завьялов, Ф. Н. (ред.) 2018, *Актуальные вопросы разработки экспортной стратегии региона*, монография, Ярославль, ЯрГУ, 268 с.
9. Андреева, Е. Л., Глухих, П. Л., Мыслякова, Ю. Г. 2018, Бизнес-стратегии участия компании в предпринимательских экосистемах, *Управленец*, Т. 9, № 6, с. 49—57. doi: <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2018-9-6-5>.
10. Lawless, M., Siedschlag, I., Studnicka, Z. 2019, Firm strategies in expanding and diversifying exports, *World economy*, vol. 42, no. 2, p. 349—375. doi: <https://doi.org/10.1111/twec.12702>.
11. Andreeva, E. L., Linetsky, A. F., Ratner, A. V. et al. 2016, Impact of international economic agreements on the development of international trade for region. In: *SGEM 2016*, Proceedings of 3-rd international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. Economics and tourism, Sofia, Book 2, vol. 5, p. 305—312.
12. Amiti, M., Freund, C. 2010, An anatomy of China's export growth. In: *China's growing role in world trade*, Chicago, University of Chicago Press, p. 33—56.
13. Besedeš, T., Prusa, T. J. 2011, The role of extensive and intensive margins and export growth, *Journal of Development Economics*, vol. 96, no. 2, p. 371—379.
14. Кадочников, С. М., Федюнина, А. А. 2013, Динамика экспортной диверсификации в условиях экономического роста: эмпирический анализ для российских регионов 2003—2010 гг., *Вестник Уральского федерального университета. Серия: Экономика и управление*, № 5, с. 73—89.
15. Cadot, O., Carrère, C., Strauss-Kahn, V. 2011, Export diversification: What's behind the hump? *Review of Economics and Statistics*, vol. 93, no. 2, p. 590—605.
16. Laruelle, M., Peyrouse, S. 2013, Mineral Wealth Export Strategies Versus State Sovereignty. In: *Globalizing central Asia: geopolitics and the challenges of economic development*, Routledge, Oxford, p. 190—217.
17. Дедкова, Е. Г. 2017, Несырьевой экспорт в России: современное состояние и перспективы развития, *Экономические и гуманитарные науки*, Т. 308, № 9, с. 101—107.
18. Спартак, А. Н., Кнобель, А. Ю., Флегонтова Т. А. и др. 2018, Перспективы наращивания российского несырьевого экспорта, *Экономическое развитие России*, М., Российский экспортный центр, 132 с.
19. Кузьмина, В. М., Пархомчук, М. А. 2020, Основные направления деятельности по поддержке экспорта несырьевого неэнергетического сектора экономики, *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, Т. 10, № 6, с. 10—19.
20. Гулин, К. А., Якушев, Н. О., Мазилев, Е. А. 2018, Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта, *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, Т. 11, № 3, с. 57—70. doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.4>.
21. Титова, С. Ю. 2020, Оценка результативности поддержки экспорта на региональном уровне (на примере Хабаровского края). В: *Проблемы и механизмы реализации национальных приоритетов социально-экономического развития России*, РИЦ ХГУЭП. Хабаровск, с. 151—156.
22. Ковалева, Е. Н., Оганова, А. А. 2018, Несырьевой неэнергетический экспорт России макро- и мезоуровня: основные тенденции развития и направления поддержки, *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент*, № 2, с. 36—45. doi: <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2018-11-2-36-45>.
23. Коваль, А., Левашенко, А. 2017, Поддержка экспорта в России: системный подход, *Экономическое развитие России*, № 12, с. 10—14.
24. Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В., Мыслякова, Ю. Г., Глухих, П. Л. 2018, Внешнеэкономический фактор развития регионов Северо-Запада: оценка влияния и специфика институционального обеспечения, *Балтийский регион*, № 1, с. 19—36. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2018-1-2>.

25. Мингалева, Ж. А., Оборина, Е. Д. 2010, Управление внешнеэкономической деятельностью в рамках структурной модернизации экономики региона (на примере Пермского края), *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*, Т. 92, № 1, с. 82—86.
26. Мингалева, Ж. А., Оборина, Е. Д. 2010, Разработка стратегии внешнеэкономической деятельности региона в программах структурной модернизации экономики, *Вестник пермского университета. Серия: экономика*, Т. 4, № 1, с. 61—66.
27. Мангейм, Дж. Б., Рич, Р. К. 1997, *Политология. Методы исследования*: пер. с англ, М., Весь Мир, 544 с.
28. Аверьянов, Л. Я. 2007, *Контент-анализ*, монография. М., РГИУ, 286 с.
29. Таршис, Е. Я. 2014, *Контент-анализ: Принципы методологии. (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программа исследования)*, М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 182 с.
30. Weber, R. Ph. 1985, *Basic Content Analysis*, Beverly Hill.
31. Шаляпина, С. К. 1998, *Построение категориальной модели в контент-анализе*, автореф. на соиск. ученой степ. канд. соц. наук.: 22.00.01 — теория, методология и история социологии. М., 34 с.
32. Костенко, Н., Иванов, В. 2003, *Опыт контент-анализа. Модели и практики*, М., Центр свободной прессы, 44 с.
33. Черданцев, А. Ф. 2012, *Логико-языковые феномены в юриспруденции*, М., Норма, НИЦ Инфра-М, 320 с.
34. Chalkidis, I., Kampas, D. 2019, Deep learning in law: early adaptation and legal word embeddings trained on large corpora, *Artificial Intelligence and Law*, vol. 27, no. 2, p. 171—198. doi: <https://doi.org/10.1007/s10506-018-9238-9>.
35. Савельев, Д. А. 2018, О создании и перспективах использования корпуса текстов российских правовых актов как набора открытых данных, *Право. Журнал Высшей школы экономики*, № 1, с. 26—44. doi: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.1.26.44>.
36. Тихомиров, Ю. Л. 1999, Вопросы правового регулирования международных и внешнеэкономических связей российских регионов, *Сборник документов и материалов по вопросам междунароных и внешнеэкономический связей субъектов Российской Федерации*, М., Изд-во МИД РФ, с. 21.
37. Дегтерев, Д. А., Дегтерев, А. Х., Никулин, М. А. и др. 2014, Прикладной анализ внешней политики стран СНГ, *Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, № 4, с. 176—184.
38. Кракашова, О. А., Житников, И. В. 2019, Контент-анализ материалов II Открытого российского статистического конгресса, *Учет и статистика*, Т. 54, № 2, с. 20—28.
39. Кучаков, Р., Савельев, Д. 2018, *Сложность правовых актов в России: Лексическое и синтаксическое качество текстов*. СПб., ИПП ЕУСПб., 20 с.
40. Семин, П. О. 2020, Некоторые закономерности установления региональных категорий особо охраняемых природных территорий, *Экономическая социология*, Т. 21, № 2, с. 11—38.

Об авторе

Павел Леонидович Глухих, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Россия.

E-mail: gluchih_p_l@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5992-3780>

ADAPTING REGIONAL STRATEGIES TO THE NEW NON-RESOURCE EXPORT DEVELOPMENT TARGET

P. L. Glukhikh

Institute of Economics Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
29 Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia

Received 30.04.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-3
© Glukhikh, P L., 2022

In the radically new economic conditions of 2020, the Government of the Russian Federation selected supporting non-resource and non-energy exports as one of the four factors of sustainable economic growth. Achieving this target is a challenge, but the absence of sufficient conditions for a systemic diversification of Russian exports also poses a substantial problem. This situation lends urgency to developing a methodology for the normative institutional reflection of non-resource non-energy targets in regional legislative acts. This article aims to improve the methods for embedding non-resource non-energy export targets in regional strategies (the targets are expected to serve as an institutional factor prompting economic diversification). This research is exploratory; methodologically, it stands out for using qualitative and quantitative content analysis with elements of computer-assisted frequency analysis of legislative acts and regulations. The study classifies, for the first time, the non-resource non-energy export targets, contributing to the regional export strategy theory. Analysis of strategies for socio-economic development confirmed the hypothesis that, in some north-western Russian regions, the priorities and targets of non-resource non-energy exports are at odds with federal law. The practical implication of this study is recommendations on adapting strategies for regional socio-economic development to the updated non-resource non-energy export targets.

Keywords:

export promotion, regional export programme, resource dependence, diversification, text analysis, content analysis

References

1. Porfir'ev, B. N., Shirov, A. A., Uzyakov, M. N. et al. 2020, The main directions of socio-economic development in 2020–2024 and for the period up to 2035, *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], vol. 180, no. 3. p. 3–15. (in Russ.).
2. Boman, J., Berg, E. 2007, Identity and institutions shaping cross-border co-operation at the margins of the European Union, *Regional and Federal Studies*, vol. 17, no. 2, p. 195–215.
3. Castells, M. 2004, *The Power of Identity: The Information Age. Economy, Society and Culture*, vol. 2.
4. Hunt, S. A. et al. 1994, Identity Fields. New Social Movements. In: Larana, E. et al. (ed.) *Philadelphia*, Temple University Press, p. 185–208.
5. Vardomskii, L. B., Skatershchikova, E. E. 2002, *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' regionov Rossii: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Foreign economic activity of the regions of Russia: study guide for universities]. 320 p. (in Russ.).
6. Lado, N., Martinez-Ros, E., Valenzuela, A. 2004, Identifying successful marketing strategies by export regional destination, *International marketing review*, vol. 21, no. 6, p. 573–597. doi: <https://doi.org/10.1108/02651330410568024>.

To cite this article: Glukhikh, P. L. 2022, Adapting regional strategies to the new non-resource export development target, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no. 1. p. 34–55. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-3.

7. Gashi, P. 2014, Export behavior of SMEs in transition countries, *Small Business Economics*, vol. 42.
8. *Aktual'nye voprosy razrabotki eksportnoi strategii regiona*, 2018 [Topical issues of the development of the export strategy of the region: monograph], YarGU, 268 p. (in Russ.).
9. Andreeva, E. L., Glukhikh, P. L., Myslyakova, Yu. G. 2018, Business strategies of the company's participation in entrepreneurial ecosystems, *Upravlenets* [The Manager], vol. 9, no. 6. p. 49–57. doi: <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2018-9-6-5>.
10. Lawless, M., Siedschlag, I., Studnicka, Z. 2019, Firm strategies in expanding and diversifying exports, *World economy*, vol. 42, no. 2, p. 349–375. doi: <https://doi.org/10.1111/twec.12702>.
11. Andreeva, E. L., Linetsky, A. F., Ratner, A. V. et al. 2016, Impact of international economic agreements on the development of international trade for region. In: *SGEM 2016*, Proceedings of 3-rd international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. Economics and tourism, Sofia, Book 2, vol. 5, p. 305–312.
12. Amiti, M., Freund, C. 2010, An anatomy of China's export growth. In: *China's growing role in world trade*, Chicago, University of Chicago Press, p. 33–56.
13. Besedeš, T., Prusa, T. J. 2011, The role of extensive and intensive margins and export growth, *Journal of Development Economics*, vol. 96, no. 2, p. 371–379.
14. Kadochnikov, S. M., Fedyunina, A. A. 2013, Dynamics of export diversification in the conditions of economic growth: an empirical analysis for Russian regions 2003–2010, *Vestnik Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of the Ural Federal University. Series: Economics and Management], no. 5, p. 73–89 (in Russ.).
15. Cadot, O., Carrère, C., Strauss-Kahn, V. 2011, Export diversification: What's behind the hump? *Review of Economics and Statistics*, vol. 93, no. 2, p. 590–605.
16. Laruelle, M., Peyrouse, S. 2013, Mineral Wealth Export Strategies Versus State Sovereignty. In: *Globalizing central Asia: geopolitics and the challenges of economic development*, Routledge, Oxford, p. 190–217.
17. Dedkova, E. G. 2017, Non-primary export in Russia: current state and prospects of development, *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki* [Economic and human sciences], vol. 308, no. 9, p. 101–107 (in Russ.).
18. Spartak, A. N., Knobel', A. Yu., Flegontova, T. A. et al. 2018, Prospects for increasing Russian non-primary exports, *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic Development of Russia], p. 132 (in Russ.).
19. Kuz'mina, V. M., Parkhomchuk, M. A. 2020, The main directions of activity for supporting the export of non-resource non-energy sector of the economy, *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics. Sociology. Management], vol. 10, no. 6, p. 10–19 (in Russ.).
20. Gulin, K. A., Yakushev, N. O., Mazilov, E. A. 2018, Activation of economic growth in the regions of the Russian Federation on the basis of stimulating the development of non-resource exports, *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], vol. 11, no. 3, p. 57–70. doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.4> (in Russ.).
21. Titova, S. Yu. 2020, Assessment of the effectiveness of export support at the regional level (on the example of the Khabarovsk Territory). In: *Problemy i mekhanizmy realizatsii natsional'nykh prioritetov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii*, RITs KhGUEP, p. 151–156 (in Russ.).
22. Kovaleva, E. N., Oganova, A. A. 2018, Nesyr'evoi neenergeticheskii eksport Rossii makro-i mezourovnya: osnovnye tendentsii razvitiya i napravleniya podderzhki, *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya Ekonomika i ekologicheskii menedzhment* [Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya Ekonomika i ekologicheskii menedzhment], no. 2, p. 36–45. doi: <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2018-11-2-36-45> (in Russ.).
23. Koval', A., Levashenko, A. 2017, Export support in Russia: systematic approach, *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic development of Russia], no. 12, p. 10–14.
24. Andreeva, E. L., Ratner, A. V., Myslyakova, Y. G., Glukhikh, P. L. 2018, The External Economic Factor in the Development of Northwestern Regions: Institutional Support and an Impact Assessment, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 19–36. doi: <https://doi.org/10.17586/10.5922/2079-8555-2018-1-2>.

25. Mingaleva, Zh. A., Oborina, E. D. 2010, Management of foreign economic activity within the framework of structural modernization of the regional economy (on the example of the Perm Region), *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskije nauki* [Scientific and technical statements of SPbSPU. Economic Sciences], vol. 92, no. 1, p.82—86 (in Russ.).

26. Mingaleva, Zh. A., Oborina, E. D. 2010, Development of the strategy of foreign economic activity of the region in the programs of structural modernization of the economy, *Vestnik permskogo universiteta. Seriya: ekonomika* [Bulletin of the Perm University. Series: Economics], vol. 4, no. 1, p. 61—66 (in Russ.).

27. Mangeim, Dzh. B., Rich, R. K. 1997, *Politologiya. Metody issledovaniya* [Political Science. Research methods], per. s angl. Ves' Mir, 544 p. (in Russ.).

28. Aver'yanov, L. Ya. 2007, *Kontent-analiz* [Content analysis], RGIUr, 286 p. (in Russ.).

29. Tarshis, E. Ya. 2014, *Kontent-analiz: Printsipy metodologii. (Postroenie teoreticheskoi bazy. Ontologiya, analitika i fenomenologiya teksta. Programma issledovaniya)* [Content analysis: Principles of methodology. (Building a theoretical framework. Text ontology, analysis, and phenomenology. Research program)], Knizhnyi dom «LIBROKOM», 182 p. (in Russ.).

30. Weber, R. Ph. 1985, *Basic Content Analysis*, Beverly Hill.

31. Shalyapina, S. K. 1998, *Postroenie kategorial'noi modeli v kontent-analize* [Building a categorical model in content analysis], PhD Thes., 34 p. (in Russ.).

32. Kostenko, N., Ivanov, V. 2003, *Opyt kontent-analiza. Modeli i praktiki* [Experience of content analysis. Models and practices], Tsentr svobodnoi pressy, 44 p. (in Russ.).

33. Cherdantsev, A. F. 2012, *Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii* [Logico-linguistic phenomena in jurisprudence], Norma, NITs Infra-M, 320 p. (in Russ.).

34. Chalkidis, I., Kampas, D. 2019, Deep learning in law: early adaptation and legal word embeddings trained on large corpora, *Artificial Intelligence and Law*, vol. 27, no. 2, p. 171—198. doi: <https://doi.org/10.1007/s10506-018-9238-9>.

35. Savel'ev, D. A. 2018, On the Creation and prospects of using the corpus of texts of Russian Legal acts as a set of open data, *Pravo, Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki* [Journal of the Higher School of Economics], no. 1, p. 26—44. doi: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.1.26.44>.

36. Tikhomirov, Yu. L. 1999, Questions of legal regulation of international and foreign economic relations of the Russian regions. In: *Sbornik dokumentov i materialov po voprosam mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskii svyazei sub"ektov Rossiiskoi Federatsii*, p. 21 (in Russ.).

37. Degtarev, D. A., Degtarev, A. Kh., Nikulin, M. A. et al. 2014, Applied analysis of the foreign policy of the CIS countries, *Vestnik rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], no. 4, p. 176—184 (in Russ.).

38. Krakashova, O. A., Zhitnikov, I. V. 2019, Content analysis of materials of the II Open Russian Statistical Congress, *Uchet i statistika* [Accounting and Statistics], vol. 54, no. 2, p. 20—28 (in Russ.).

39. Kuchakov, R., Savel'ev, D. 2018, *Slozhnost' pravovykh aktov v Rossii: Leksicheskoe i sintaksicheskoe kachestvo tekstov* [Complexity of legal acts in Russia: Lexical and syntactic quality of texts], IPP EUSPb, 20 p. (in Russ.).

40. Semin, P. O. 2020, Some regularities of establishing regional categories of specially protected natural territories, *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], vol. 21, no. 2, p. 11—38 (in Russ.).

The author

Dr Pavel L. Glukhikh, Senior Research Fellow, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: gluchih_p_l@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5992-3780>

